

восемь дисциплинарных статусов могут быть сведены к четырем:

1. Монахи (бхикшу) и монахини (бхикшуни).
2. Послушники (шраманера), послушницы (шраманерика) и та, которая претендует на статус монахини (шикшамана).
3. Миряне (упасака) и мирянки (упасика).
4. Те, кто соблюдает очистительный пост (упаваса).

Статус шикшамана указывает на различие в последовательности обретения монашества женщинами и мужчинами. Женщине-послушнице давалось время на обдумывание и окончательное принятие монашества. Это было связано с тем, что женщине по сравнению с мужчиной нелегко давалось решение уйти от мирской жизни. Ведь по своей природе она была ответственна за продолжение рода и должна отказаться от радости материнства. Однако если женщина твердо соблюдала статус послушницы и избирала религиозный путь, то ей разрешалось принять статус шикшамана и оставаться в этом статусе два года. Только после этого женщина получала доступ к полному курсу дисциплины, то есть к полноправному монашеству.

Можно сказать, что Патимоккха-сутта – это не только правила, но и самоконтроль, поскольку, приняв обеты, монахи и монахини должны постоянно помнить о них (для этого монахи и монахини собирались дважды в месяц, чтобы вслух прочитать все свои правила) и контролировать себя, свои поступки и мысли.

Появление и образование женских монашеских общин показали принципиально новое отношение буддизма к женщине не только в духовно-религиозном плане, но и в самом отношении к женщине, которая по своим духовным потребностям и возможностям способна достичь Просветления, также как и мужчина.

Литература

1. Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. – М., 2003.
2. Буддизм. Словарь. – М., 1992.
3. Гуннский А.Ю. Женщины в раннем буддизме // Путь Востока. Традиции освобождения. Вып.4. – СПб., 2000.
4. Далай-Лама. Свобода в изгнании. Автобиография Его Святейшества Далай-Ламы. – СПб., 1992.
5. Жизнь Будды. – Новосибирск, 1994.
6. Кеон Д. Буддизм. – М., 2001.
7. Кочетов А.Н. Буддизм. – М., 2001.
8. Учение Будды. – Элиста, 1992.

Д.Л. Баяртуева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Роль Лубсана-Сандана Цыденова в становлении буддизма в Бурятии в конце XIX – начале XX века

Статья посвящена исследованию творчества великого ламы, реформатора Лубсана-Сандана Цыденова на примере его поэмы «Лечу по небесам». Также рассматривается его духовная реформаторская деятельность.

D.L. Bayartseva

Sandan Tsirenov's Role in Formation of Buddhism in Buryatia at the End of XIX and Beginning of the XX centuries

The article is devoted to brilliant talented Buddhist philosopher, holy hermit, poet Sandan Thidenov, his live and activity, the poem "I am flying in the heaven" which was written after his being in Moscow and Saint-Petersburg.

Бурятское духовенство выдвинуло из своей среды немало выдающихся лам-ученых, известных не только в Бурятии, но и во всем монголоязычном и буддийском мире. До сих пор в памяти бурятского народа живы леген-

ды и предания об именитых ламах, обладавших глубокими познаниями. К их числу относится и Лубсан-Сандан Цыденов, который был яркой и талантливой личностью.

О жизни, деятельности и взглядах этого человека наука, к сожалению, располагает крайне скудными, ненадежными и разрозненными сведениями. На сегодняшний день известен лишь небольшой круг источников, большая часть которых содержит информацию, которая не является до конца объективной. Безусловно, что все публикации не только требуют качественного анализа, но и, представляя разорванные сведения, не дают полного, научно выверенного представления о жизни и деятельности Л.-С. Цыденова, его вкладе в духовное и политическое развитие бурятской нации.

Так, в периодическом издании «Долина Кижинги» сообщается, что Лубсан-Сандан Цыденов родился в 1851 г. (в год свиной-железа XIV рабжуна) (Рабжун – 60-летний цикл летоисчисления) в местности Шана, в двух-трех километрах от села Кижинга в семье ламы Балтуева Цыдена [4].

По данным архива Совета по делам религии при Совете Министров Бурятской АССР, Л.-С. Цыденов родился в 1850 г. в улусе Кижинга Хоринского ведомства и приписан ко двору Балтуева Цыдена (Дампила) Дармы с присвоением фамилии Цыденов, так как, согласно действовавшим в то время обычным правам, дети внебрачного рождения незамужними дочерьми приписывались ко двору родителей последней. Отец его, Балтуев, являлся степным ламой и имел середняцкое хозяйство [3]. Расхождение в дате рождения, скорее всего, вызвано, в бурятской традиции прибавлять один год. По нашим подсчетам, год огненной свиньи XIV рабжуна приходится на 1851 год. Отсюда следует, что точной датой рождения Л.-С. Цыденова является 1851 год по европейскому летоисчислению.

Еще в детстве Л.-С. Цыденов был отдан в Кижингинский (Кудунский) монастырь, где через некоторое время начал обучение на цаннидском (философском) факультете, продолжив его в резиденции Пандито Хамбо-лам – Тамчинском дацане. Получив философское образование и степень «гэбши» (гэбши – богословская степень, которую получают после 8 лет обучения «цаннид» (философии)), Сандан-лама вернулся в Кижингинский дацан, где продолжал учиться и вскоре получил степень «габжи» (габжа (габжу) – ученая степень, которую получали те, которые прослушали полный курс «цаннид» в дацанах Монголии и Бурятии, буквально значит «постигший 10 глубин»). В своем интервью старейший лама Бурятии, доктор буддийской фило-

софии геше Аюши-лама говорит, что Сандан-лама в народе славился как первый бурят, получивший звание «габжи» [15].

Таким образом, Лубсан-Сандан Цыденов получает полное богословское образование и в 1890 г. становится общепризнанным в бурятском духовенстве ученым-ламой. Как справедливо замечает С.Ю. Лепехов, Лубсан-Сандан обладал глубокими философскими познаниями, в совершенстве владел всеми тонкостями философии Мадхьямики и учения Праджняпарамиты [12]. Получение столь высокой богословской степени открыло новые возможности перед Санданом Цыденовым.

В 1896 г. делегация буддийского духовенства из Бурятии, возглавляемая Пандито хамбо-ламой Чойнзоном Иролтуевым, была приглашена на коронацию нового императора Николая II. Л.-С. Цыденов был включен в число делегации благодаря своей учености, поскольку высшему духовенству и чиновникам хотелось иметь ученого ламу в случае, если представится им возможность организовать в Санкт-Петербурге диспут с учеными-востоковедами по буддизму.

В подтверждение вышеуказанному сведению приводится следующий материал: «Сандан Цыденов отказывал академикам-востоковедам в устройстве с ним научной беседы, советуя обратиться им по инстанциям, т.е. первоначально вести беседы с той категорией делегатов, которые еще не достигли обладаемых им, Цыденовым, научных знаний и могут дать им достаточную справку по вопросам буддийской культуры и науки. В это время добился с ним, Цыденовым, вести краткую научную беседу лишь профессор А.Позднеев, который, интересуясь его идеями, считал его реформатором современного буддизма, поддерживающим мистическое направление на основе критики желтошапочников и преследующим цели воссоздания классического индийского (первоначального) буддизма» [13].

В марте 1896 г. делегация из Бурятии на почтовых лошадях отправилась в г. Красноярск, откуда по Сибирской железной дороге продолжила путь в Москву, в личном фонде С.Цыденова имеется Удостоверение №151 о его командировании в Москву «на Священное коронование ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ» [16].

Светские и религиозные представители забайкальских бурят приняли участие в церемонии коронации Николая II в Успенском соборе Московского Кремля и последовавших за ней пышных торжествах в Москве и

Санкт-Петербурге. Кроме того, в столице Российской Империи члены делегации от забайкальских бурят были приглашены на аудиенцию к новому императору, где произошел экстраординарный инцидент. Якобы Лубсан-Сандан Цыденов единственный не принял участия в поклонении делегатов царю, что не только поставило их в неловкое положение, но и вызвало сомнение в лояльности со стороны дворцовых чинов и министерства внутренних дел. В ответ на осуждение делегатов в лице Пандидо хамбо Иролтуева Цыденов настаивал, что он как гылуи (монах) не должен поклоняться царю как христианину, что неучастие его в данном поклонении не является преступным деянием и поклонение буддийской делегации, в частности хамбо-ламы Иролтуева как гылуи и главы буддийского духовенства Сибири, является отступлением от законов Винаи и служит позором [3].

В связи с этим делегация направляет к министру внутренних дел Горемыкину главного тайшу хоринских бурят Аюшеева, который утешает первого заранее обдуманной речью: имевший место во время аудиенции случай непоклонения царю одним из делегатов объясняется последствием чрезмерно патристического чувства, создавшего потерю сознания и умопомешательство при встрече с царской особой, и что данный случай является результатом того, что он никуда не отлучался из захолустного уголка и не бывал в культурных центрах, что он считал свидание с царем редкостью и наилучшим счастьем. Это удовлетворило министра, так как он был уверен в возможности подобного явления. Но сам Лубсан-Сандан не был удовлетворен таким ответом и укорял Аюшеева за то, что он напрасно не доложил министру истинное положение дел, поскольку действие его не должно вызывать нежелательные последствия [3].

Мы не имеем достаточных оснований полностью доверять приведенным фактам, поскольку они не подкрепляются ссылками на конкретные официальные документы и приведены в неопубликованных исторических очерках. Но, несмотря на его поступок, Л.-С. Цыденова наряду с другими членами делегации награждают серебряной медалью для ношения в петлице на Андреевской ленте.

«Свидетельство. На основании Высочайшего Повеления 15 февраля 1896 г. выдано сие свидетельство, с приложением казенной печати, гелун-ламе Самдану Цыденову в том, что ему пожалована Высочайше учрежденная

в память Священного коронования Государя Императора Николая II серебряная медаль для ношения в петлице на Андреевской ленте августа 20 дня 1896 года. За управляющего делами Капитула Орденов» [16].

После приезда из Петербурга в 1896 году Сандан Цыденов пишет на тибетском языке поэтическое произведение «Лечу по небесам», где ярко и красочно описывает свое пребывание в Москве и Санкт-Петербурге. К сожалению, нам не удалось найти оригинал этой поэмы на тибетском языке. Однако часть поэмы была переведена на старописьменный монгольский язык (Oytaryui-dur niysünem) и опубликована в Монголии в сборнике академика Цэндийн Дамдинсүрэна «100 образцов» (Jaγun bilig) [1].

Сандан Цыденов в своем сочинении «Лечу по небесам» пишет о своей поездке на Запад. Поэма написана в очень сложной манере, обильно наполнена стихотворными метафорами, референциями в области классической индийской мифологии, религиозно-философской лирикой. Изучив это произведение, мы видим, что оно состоит из восьмидесяти пяти куплетов, разделенных на две части. Первая часть, состоящая из одиннадцати четверостиший, посвящается городу Москве, а вторая часть поэмы, состоящая из семидесяти четырех шлок, поэтически описывает столицу Российской Империи – Санкт-Петербург. Сандан-лама, вернувшись к себе на родину после долгого и утомительного путешествия, решает освежить свои впечатления о поездке и пишет поэму легко, отдыхая. Ему кажется, что увиденные им города являются умелыми, мастерски созданными творениями волшебника. «Э-э! Раз так! Все [это] – творения волшебника, словно умелые, мастерски созданные видения. Да освежим свой разум, уставший от далекого пути. Если приятно, насвистывая, спою, думаю, что отдохну. В весеннее время, в цветущей роще, подобно звонко поющей кукушке, предаться наслаждению. Играя на раковине, выдавая певучие слова, да, устранить бы в миг насланные страдания, урон».

Далее в поэме говорится, что когда делегация прибывала в Москву, наступал рассвет, и С. Цыденова охватило радостное ощущение окончания долгого пути, мысль об отдыхе наполнила его тело и ум. Произошло одновременно три радостных события: во-первых, они прибыли в назначенное место, во-вторых, завершилась изнурительная поездка и, в-третьих, наступал новый многообещающий день.

Лубсан-Сандана Цыденова изумляет утренний перезвон колоколов московских церквей, он сравнивает их со звуками дракона, которые грохочут со всех сторон, и пишет: «Везде повсюду рассыпаются звуки бесчисленного множества больших колоколов, со всех сторон грохочет подобно звукам дракона». Его удивляют разнообразные обрамления заборов, высота которых заслоняет облака: «Каждое творение обрамления заборов способно заслонить собою пестроту переливающихся, как мех выдры, облаков».

Парящими в небе называет Сандан-лама поразившие его высотные здания и крепостные стены. Даже множество московских магазинов сравнивает Лубсан-Сандан с дворцами небесной страны божества Вайшраваны (Вайшравана – на монг. языке звучит «бисман тэнгэри», на тиб. Rnam-sras. – бог богатства.). «Желаемые товары божества Вайшраваны», где много видов драгоценных плодов, более «ста разновидностей вкусной еды», которую не найдешь в бедных, убогих домах. Москва, описанная Лубсан-Санданом, представляется ему крепким, по-настоящему безопасным городом.

Побывав в Москве, делегация из Бурятии направляется в Санкт-Петербург. Лубсан-Сандан продолжает писать:

«Прямо оттуда [из Москвы я] прибыл посмотреть на счастливую столицу Петербург – драгоценную часть благородной Европы, обращенную лицом к холодному Шведскому [Балтийскому] морю, расположенному там прохладному, небесно восхитительному дворцу».

Далее Лубсан-Сандан пишет о том, что город находится на северо-западе континента, на чистой – без страшных оврагов и расщелин – земле. Красивые высотные здания с винтовыми лестницами, по его мнению, могут достичь до небес, полных белых ночей.

Мы видим, что Лубсан-Сандан сравнивает городские дворцы, да и весь город со всевозможными небесными странами, а его обитателей с небожителями. («Как будто в эту страну переехали с небес 33-х небожителей ученые переселенцы», «не спустились ли во плоти цветущие небесные танцовщицы», «подобная четкам, радужная гирлянда воды преподносится прекрасным небесным девушкам» (про фонтан) и т.д.).

Лубсан-Сандан, человек природы, сравнивает все с натурой: «подобно высоким скалам подняты заборы», «подобно стогу сена воздвигнуты сказочные дворцы», «подобно ряду

непрерывно тянувшихся друг за другом гор, как небольшой горный хребет магазин, сплетенные с небом», «каждая улица подобно озеру Садариг переливается, синяя», «огромный белый лотос, сравнимый с колесом телеги», и т.д.

Он гуляет по парку, где много красивых, веселых девушек и юношей. Ботанический сад поражает его множеством видов деревьев, кустарников и других растений, произрастающих в теплых странах. В зоопарке он встречает львов, слонов, косуль и различных птиц. Про реку Неву он пишет: «Многоводная река Нева, бесчисленно разветвляясь, течет по середине больших скоплений поселений. Построенные драгоценные чугунные мосты соединяют «золотые» дороги каждого поселения». А корабельные доки показались ему прочными и подобными хорошо устроенному творению.

Отлитый из меди Петр I, который стоит на перекрестке дорог, показался ему будто живой: «Кто правил в начале прекрасной Россией, с него начинается поколение царей. Одинаково литое медью драгоценное тело, безошибочно воздвигнутый богатырь». Просто гулять и восхищаться памятником у Сандана Цыденова нет времени. Так же его удивляют телеграф, телефон, немое кино, радио, дирижабли, возможно, самолеты, паровоз, который сравнивает со сказочной лошадью «хамбала».

Жил Сандан-лама в Петербурге, как он указывает, «на Литейном проспекте, в высоком хорошем доме под № 59, на третьем этаже в квартире №47». В конце поэмы Лубсан-Сандан поясняет: «Я простой лама, явившийся в царской стране, рассказав о большом царском городе, радуясь в душе, сочинил счастливую песню, которую назвал так: «Царь Гаруда – лечу по небесам».

Написав это произведение на тибетском языке, он преподносит его в дар простым людям, и если здесь будут ошибки, автор просит их исправить. Ну а если покажется неинтересным и плохим, то просит отнестись милостиво и благородно. В своем произведении Лубсан-Сандан употребляет некоторые слова на семи языках. Стихотворное произведение «Лечу по небесам» даёт нам право говорить, что Лубсан-Сандан Цыденов – не только ученый, знаток многих языков, великий лама, но и талантливый поэт. С другой стороны, меткий взгляд Лубсан-Сандана обнаруживает особенности, которые представляются интересными и как страноведческий

источник исследования быта, культуры российских столиц XIX века. Вряд ли в философской поэзии не только того времени, но и современной, найдется описание жителей в сопоставлении с добродетелями, обеспечивающими ему «переживание счастья», причем представление с точки зрения не характерного для этого народонаселения религиозного учения.

Помимо этого произведения сохранилось и другое рукописное наследие Лубсан-Сандана: некоторые рукописи и документы балагатского движения. Среди них есть «Хвала Лубсан-Сандану». Этот текст не очень редок и доступен. Имеется также «Манифест Лубсан-Сандана» на монгольском языке, который содержит удивительные и смелые предсказания о распространении Тантры, о будущем цивилизации. Идеи текста близки, а в целом даже опережают самые смелые догадки В.И. Вернадского и К.Э. Циолковского. Язык текста символичен, труден для перевода. В Кижингинском районе в черном переплете хранится подлинная рукопись Лубсан-Сандана, еще не доступная исследователю.

После приезда из Санкт-Петербурга Сандан-лама решает уйти из монастыря и погрузиться в медитативную практику вдали от мирской суеты. В 1908 г. Сандана Цыденова, как бывшего ламу, избрали настоятелем Кижингинского дацана. Когда ему сообщили об этом, он ответил отрицательно, так как не хотел отказываться от отшельничества. Поэтому от его имени почти до конца 1915 года обязанности настоятеля исполнял Цыремпилов Гэнин (Тыхэйн-лама) [5]. А.М. Позднеев во время поездки в Кижингинский дацан пишет: «Приехав в этот дацан, я не застал здесь ширетуя, о котором мне сказали, что он удалился в степь и сидит там в созерцании. Таким образом, мне пришлось иметь здесь дело с заступившим на место ширетуя простым гэлунгом, известным в официальных ведомствах под именем Намжил-Цыден Абидуев. В разговорах он рассказал мне, что имя его Лобзан-Цырен» [2]. Однако Лубсан-Сандану не только предлагают стать ширетугем Кижингинского дацана, но и хамбо-ламой. По преданиям Кудунского круга, Сандану Цыденову принадлежит знаменитая фраза, которую он бросил на предложение стать хамбо-ламой: «Дацан – это сансара» [14]. Его не удовлетворял образ жизни в монастыре, так как много времени занимала административно-хозяйственная деятельность и ежедневная

ритуальная служба и почти не уделялось внимания медитативной практике. В Бурятии в отличие от Тибета не получили распространения монастыри отшельнического типа, которые, в свою очередь, разделялись на два класса. Первый – монастыри отшельников, живущих группами. Другой составляют собственно не монастыри, а кельи (горные пещеры) для одиночных отшельников [8]. Монастыри второго класса встречаются в Монголии. В Бурятии же этот тип не был распространен, хотя в настоящее время появляются сведения о знаменитых ламах прошлых лет, которые вели уединенный образ жизни, созерцая вдали от населенных мест.

Итак, Сандан Цыденов с близким учеником Агван-Силнамом вышли из состава лам Кижингинского дацана и со своими сторонниками поселились в тайге на склоне Кудунского хребта. Лубсан Сандан старался вернуть практическому буддизму строгость правил и интенсивность духовной практики времен индийских йогинов-махасидхов.

В жизни своей сангхи (общины) Лубсан-Сандан возродил принципы непосредственного ведения учителем ученика. Проповедовались и осуществлялись практики Тантры уровня махамудры. Лубсан-Сандан считал, что в меняющихся условиях жизни в наступающем XX веке монастырская форма учения будет нежизнеспособной, и перешел к нетрадиционному, с точки зрения доминирующей в Бурятии школы гелугпа, видам практики и установил внешкольные правила (тиб. *gis-med*) устройства сангхи, которые могли бы помочь устоять учению в будущем.

Так начался новый этап жизни Лубсан-Сандана, который определил духовный путь многим поколениям не только в Бурятии, но и за ее пределами. Избрав отшельнический путь со своими последователями, Лубсан-Сандан начинает распространять нетрадиционную (немонастырскую) форму буддизма в Бурятии. Безусловно, что в то время для многих верующих и лам подобное решение было не очень понятным. По нашему мнению, причиной неприятия и даже осуждения было одновременное ясное осознание, что занятие серьезной тантрической практикой – путь, который избрал Лубсан-Сандан, мог осуществить не каждый, а только хорошо подготовленный для многолетнего затворничества человек.

Сандан Цыденов решил построить поселение в Нижнем Кудуне на западном склоне горы Шилэнтуи, в местности Соорхой (бур. «полюна»). Бурятский Государственный Университет

Хоринского ведомства). В буддийских текстах, содержащих разъяснения по практике Ямандака-тантры, говорится, что местами проведения затворничества отшельника являются кладбища, берега рек, перекрестки дорог, пустые дома, места сражения, вершины гор, храмы и густые леса. Чтобы устранить блуждание ума, затворничество нужно осуществлять в тихом и безлюдном месте, то есть оно должно находиться вдали от мирской суеты. Местность Соорхой была как раз идеально подходящим для затворничества. Она находилась в пятнадцати километрах от села Усть-Орот на правом берегу реки Кудун. Это довольно суровое и дикое место, недалеко от него начинается густая тайга и глубочайшие овраги, поблизости находится лечебный аршан. По преданиям, здесь раньше было кладбище, где обитали разные духи, оборотни, которые пугали жителей близлежащих поселений. Особенный страх внушал дух медленно умирающей от проказы женщины, которая не была захоронена должным образом. Сандан-лама именно такое место выбирает, которое позже стали называть «Ламской пядью», для верующих людей оно стало святым местом.

На время строительства Сандан-лама уединился в дацане, а когда в 1898 г. поселение было готово, перекочевал туда с Доржи-ламой и другими последователями. В документе, написанном сотрудником антирелигиозного музея Б. Жигмидоном, говорится о том, что в ставке Цыденова строятся шикарные дома с особняком для Цыденова и маленький дуган исключительно на средства, добытые им у населения путем различного рода вымогательства якобы для нужд выполнения столь трудного учения «тарни» (тантрийское учение) [9]. Подобные обвинения опровергаются очевидцами тех событий. Кельи в виде маленьких домиков имели весьма убогое и простое устройство, необходимое только для существования. Маленьким дуганом, по-видимому, было небольшое строение, которым являлась мандала Ямандаги. (Мандала – это диаграммное представление мифической внеземной идеальной обители идама, это всего лишь символ, созданный в помощь йогину в его созерцании сверхчувственного дворца того идама, который стал объектом его медитации.) По преданиям Кудунского круга, в период созерцания на Суархэ ученики и приглашенные тибетские ламы-художники построили Лубсан-Сандану жинхор (мандалу) Ямандаги. Это был дере-

вянный дворец, прекрасно разрисованный, украшенный драгоценностями. Размер дворца был таков, что в него можно было войти. Лубсан-Сандан, когда дворец был готов, зашел в него, сел в центре и провел несколько часов в созерцании [14].

Необходимо отметить, что после возвращения из Гусиноозерского дацана Сандан-лама, еще будучи ламой Кижингинского дацана, постоянно уходил в затворничество на два-три месяца в течение двадцати лет. В архивных документах говорится следующее: «Спустя немного времени после возвращения из Петербурга он устраивает в урочище Халцагай-Толгой келью, где и возобновляет созерцание в честь бога Ямандага [3].

Ямандага является гневным божеством – идамом в системе Ануттарайогатантры, наивысшей ступени Махаяны, которая, в свою очередь, подразделяется на Сутраяну и Тантраяну. Ведущая мотивация последователя Махаяны – это стремление достичь Просветления и Освобождения от сансарного круговорота ради всех живых существ и затем обратиться к Пути к Пробуждению [11].

Ануттарайогатантра является важным аспектом тантрической практики буддизма Махаяны и, по мнению Далай-ламы XIV, фактически образует ту основу, на которой строится вся структура Тантры. Она обладает силой, которая наполняет медитацию серьезного практика необычайной жизненной энергией. В отличие от других систем тантрическая медитация в значительной степени зависит от благословления, которое непосредственно передается по непрерывной линии традиции через живых наставников, гуру [7].

Ямантака – «покончивший с богом Ямой», владыкой царства мертвых, судьей, перед которыми окажется каждый смертный. Он в буддийской мифологии является гневным аспектом бодхисаттвы Манджушри, который достиг состояния Будды, то есть познал истину и стал бессмертным. Поэтому его называют покончившим с Ямой, ставшим неподвластным суду и приговору Ямы. В Ваджраяне Ямантака – один из основных идамов, то есть богов, связанных с обетом. Сам же идам имеет множество проявлений: может быть черным, красным, двуруким, четырехруким, шестируким. Сандан-лама визуализирует наиболее сложную, но популярную форму Ямантаки – Ваджрабхайраву с девятью головами, одна из которых буйволиная, с тридцатью четырьмя руками, в каждой руке идам держит магическое оружие, с шестна-

дцатью ногами, которыми топчет врагов, символизирующих греховные деяния в образе мирских божеств и животных. Божество находится в огненной ауре и стоит на лотосовом троне. Цель медитирующего – познать сущность, достичь просветления через борьбу со своими страстями и обретения мужества Ямантаки для помощи всем живым существам. По мнению Б.Д. Баяртуева, при правильной медитации Ямантака погружается в тонкое тело верующего и сам медитирующий становится Ямантакой, тем самым познает суть Пустотности, самого себя как часть Ади-Будды, помогает всем живым существам [6].

Подобная практика является довольно сложной и глубокой для начинающих, поэтому во время затворничества Лубсан-Сандан Цыденов сочинил магтал (гимн) гневной ипостаси Манджушри Ямантаги для своих учеников в упрощенном варианте, который является сокращенным и облегченным методом созерцания, что позволяет постепенно перейти к более сложной медитации.

В такой творческой, созерцательной практике Лубсан-Сандан Цыденов со своими учениками провел более двадцати лет. По словам Б.Д. Дандарона, затворничество может быть прекращено по нескольким причинам: пожар, наводнение, военные действия. Именно последняя причина и нарушила созерцательный образ жизни Л.-С. Цыденова.

Духовная деятельность Сандан Цыденова, которую он вел практически на протяжении всей жизни, была активной и весьма плодотворной. Исследование основных аспектов этой деятельности позволяет прийти к определенному выводу о том, что С. Цыденов является незаурядной личностью, ученым-философом, талантливым поэтом.

Основой всей его деятельности и поведения было буддийское учение. Более двадцати лет он в окружении самых близких учеников проводит в обители для созерцания. Опыт непосредственного ведения ученика учителем, акцент на созерцательной практике, уединенность жизни в сочетании с активностью по

отношению к сансаре, освоение максималистских практик были нормой его общины. В этом заключалась и реформа буддизма в Бурятии, развитие немонастырской формы буддизма, то есть отшельнической, которая преобладала в Тибете до укрепления позиций школы желтошапочников – гелугпа.

Литература

1. СЕ. Damdinsurung «MONGGOL URAN JOKIYAL UN DEGEJ JAGYN BILIG ORUSIBAI» 1956. P. 541-547.
2. Архив востоковедов Ф 44, оп.1, ед.хр.133, л.98.
3. Архив Совета по делам религии при Совете Министров Бурятской АССР // Гаруда. – 1993. – №2-3. – С.31.
4. Балдандоржийн П.О реабилитации Сандан Цыденова // Долина Кижинги. Кижинга. – 1997. – № 77. – С.2.
5. Балдандоржин П. Хэжэнгын дасанай хураангы туухэ. С. 11.
6. Баяртуев Б.Д. Предыстория литературы бурят-монголов. – Улан-Удэ, 2001. – С.191-192.
7. Его Святейшество Далай-лама XIV. Союз блаженства и пустоты. – СПб., 2001. – С.10.
8. Железнов А.И. О тибетских традициях в бурятском буддизме // Тибетский буддизм: теория и практика: сб-к ст./под ред. Н.В. Абаева. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – С.74.
9. Жигмидон Б. Контрреволюция под маской теократизма (Балагатчина). Экспозиция Антирелигиозного музея. Музей истории Бурятии им. М.Н.Хангалова. Временный фонд. Инв. № 422.
10. Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч уверенности. – СПб., 1993. – С.28-29.
11. Лепехов С.Ю. Философия мадхьямиков и генезис буддийской цивилизации. – Улан-Удэ, 1999. – С.178.
12. Материалы к жизнеописанию Лубсан-Сандан Цыденова // Гаруда. – 1993. – №2-3. – С.31.
13. Предания Кудунского Круга // Гаруда. – 1993. – №2-3. – С.35.
14. «Прошедший 10 трудных этапов обучения...» / Легшед. – 1998. – №3. – С.54.
15. ЦВРиК ИМБиТ СО РАН. Д 636, л. 5.